

Василий Жуковский

Сид

, 0101

FB2: Василий Жуковский, 29.4.2016, version 1.0

UUID: f9b4a5f1-6934-11e6-9614-0cc47a545a1e

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Василий Андреевич Жуковский

Сид

Содержание

Отрывок	0005
Сид в царствование короля Фердинанда . . .	.0007
1	0007
2	0008
3	0010
4	0012
5	0013
6	0014
7	0016
8	0018
9	0019
10	0020
Сид в царствование короля Дон-Санха Кастильского	.0022
1	0022
2	0025
3	0027
4	0030

**Василий Андреевич
Жуковский
СИД**

Отрывок

Горные испанцы вместе с религиею, законами, честью и свободою предков своих визиготфов сохранили и употребление языка романского.

То были необразованные люди, характера дикого, гордые, отважные, не способные покорствовать рабскому игу.

Каждая долина была особенно малою областью.

В сих долинах властвовали графы, коим короли визиготфские вверяли наблюдение правосудия в мирные дни и предводительство народного войска во дни военные.

Когда пала монархия, сии графы были почитаемы военачальниками и покровителями народа.

Народ сей был составлен большею частию из переселенцев, покинувших свою родину, дабы среди бесплодных утесов спасти религию и законы отцов своих.

Там не было отдаваемо никаких отличных почестей фортуне: под кровлею бедной хижины часто находили человека, победившего в

сражении. Вероятно, что в сии времена вошла в испанские нравы сия кастильская спесь, замечаемая ныне в самых нищих.

Санхо Великий, король кастильский, в начале XI века соединил под державу свою почти все христианские области полуострова; от него зависели Астурия, Наварра и Арагония; он первый принял титул короля Кастилии и, может быть, почитаем родоначальником королевских домов Испании.

При сем короле родился Дон-Родриго Диац (сын Диега), прозванный Саидом, или Сидом (господином) от побежденных им мавров. Наименованный главным военачальником армии от короля кастильского, он получил еще прозвание Кампеадора (воителя).

Замок Бивар, недалеко от Бургоса, завоеванный отцом его Дон-Диегом, был местом его рождения. С женской стороны происходит он от древних графов Кастильских. Знаменитый породю, он приобрел богатство мужеством и оружием. Подвиги его сохранились в народных песнях, или романсах, из которых здесь предлагается извлечение.

Сид в царствование короля Фердинанда

1

*Пятерых царей неверных
Дон-Родриго победил;
И его назвали Сидом
Побежденные цари.
Их послы к нему явились
И в смиреннии подданства
Так приветствовали Сиды:
«Пять царей, твоих вассалов,
Нас с покорностью и данью,
Добрый Сид, к тебе прислали».
«Ошибаетесь, друзья! —
Дон-Родриго отвечал им. —
Не ко мне посольство ваше:
Неприлично господином
Называть меня в том месте,
Где господствует Великий
Фердинанд, мой повелитель:
Все его здесь, не мое».
И король, таким смиреньем
Сиды храброго довольный,
Говорит послам: «Скажите*

Вы царям своим, что, если
Господин их Дон-Родриго
Не король, то здесь по праву
С королем сидит он рядом,
И что все, чем я владею,
Завоевано мне Сидом».
С той поры не называли
Знаменитого Родрига
Мавры иначе, как Сидом.

2

Полных семь лет без успеха
Неприступную Коимбру
Осаждал Дон-Фердинанд.
Никогда б не одолел он
Неприступныя Коимбры,
Крепкой башнями, стенами...
Но является Сан-Яго,
Рыцарь господа Христа:
На коне он скачет белом,
С головы до ног в доспехах
Свежих, чистых и блестящих.
«Сим ключом, который блещет
У меня в руках (сказал он),
Завтра утром на рассвете
Отпру я Фердинанду
Неприступную Коимбру».

И король вступил в Коимбру;
И мечеть ее назвали
Церковью Марии Девы.
Там был рыцарем поставлен
Дон-Родриго, граф Биварский.
Сам король своей рукою
Меч к бедру его привесил,
Дал ему лобзанье мира;
Только не дал акколады,
Ибо то уж для другого
Было сделано им прежде;
И, в особенную почесть,
Он в блестящей сбруе Сиду
Подведен был королевой,
А инфанта золотые
На него надела шпоры.

Мрачен, грустен Дон-Диего...
Что сравнить с его печалью?
День и ночь он помышляет
О бесчестии своем.
Посрамлен навеки древний,
Знаменитый дом Ленесов;
Не равнялись ни Иниги,
Ни Аварки славой с ним.
И болезнью и летами
Изнуренный, старец видит
Близкий гроб перед собою;
Дон-Гормас же, злой обидчик,
Торжествующий гуляет,
Не страшась суда и казни,
По народной площади.
Напоследок, свергнув бремя
Скорби мрачно-одинокой,
Сыновей своих созвал он
И, ни слова не сказавши,
Повелел связать им крепко
Благородные их руки.
И, трепещущие, робко
Вопрошают сыновья:
«Что ты делаешь, родитель?
Умертвить ли нас замыслил?»

Нет душе его надежды!
Но когда он обратился
К сыну младшему Родригу,
В нем опять она воскресла;
Засверкав очами тигра,
Возопил молодой Родриго:
«Развяжи, отец, мне руки!
Развяжи! когда б ты не был
Мой отец, я не словами
Дал себе тогда б управу;
Я бы собственной рукою
Внутренность твою исторгнул;
Мне мечом или кинжалом
Были пальцы бы мои!»
«Сын души моей, Родриго!
Скорбь твоя – мне исцеленье;
Грозный гнев твой – мне отрада;
Будь защитник нашей чести:
Ей погибнуть, если ныне
Ты не выкупишь ее».
И Родригу рассказал он
Про свою тогда обиду
И его благословил.

Удаляется Родриго,
Полон гнева, полон думы
О враге своем могучем,
О молодых своих летах.
Знает он, что в Астурии
Дон-Гормас богат друзьями,
Что в совете королевском
И в сраженье первый он.
Но того он не страшится:
Сын гидальга благородный,
Он, родившись, обязался
Жизнью жертвовать для чести.
И в душе своей он молит
От небес – одной управы,
От земли – простора битве,
А от чести – подкрепленья
Молодой своей руке.
Со стены он меч снимает,
Древней ржавчиной покрытый,
Словно трауром печальным
По давнишнем господине.
«Знаю, добрый меч, – сказал он. —
Что тебе еще постыдно
Быть в руке незнаменитой;
Но когда я поклянуся

Не нанести тебе обиды,
Ни на шаг в минуту боя
Не попятиться... пойдём!»

5

Там на площади дворцовой
Сид увидел Дон-Гормаса
Одного, без провожатых,
И вступил с ним в разговор:
«Дон-Гормас, ответствуй, знал
ли
Ты о сыне Дон-Диега.
Оскорбив рукою дерзкой
Святость старцева лица?
Знал ли ты, что Дон-Диего
Есть потомок Лайна Калва,
Что пет крови благородней,
Нет щита его честней?
Знал ли, что пока дышу я,
Не дерзнет никто из смертных —
Разве бог один всевышний —
Сделать то без наказанья,
Что дерзнул с ним сделать ты?»
«Сам едва ли ты, младенец
(Отвечал Гормас надменно),
Знаешь жизни половину».
«Знаю твердо! половина

Жизни: почесть благородным
Воздавать, как то прилично;
А другая половина:
Быть грозю горделивых
И последней каплей крови
Омывать обиду чести».
«Что ж? Чего, младенец, хочешь?»
«Головы твоей хочу я».
«Хочешь розог, дерзкий мальчик;
Погоди, тебя накажут,
Как проказливого пажса».
Боже праведный, как вспыхнул
При таком ответе Сид!

6

Слезы льются, тихо льются
По ланитам Дон-Диега:
За столом своим семейным
Он сидит, все позабыв;
О стыде своем он мыслит,
О младых летах Родрига,
О ужасном поединке,
О могуществе врага.
Оживительная радость
Убегает посрамленных;
Вслед за нею убегают

И доверенность с надеждой;
Но цветущие, младые
Сестры чести, вместе с нею
Возвращаются они.
И, в унылость погруженный,
Дон-Диего не заметил
Подходящего Родрига.
Он, с мечом своим под мышкой,
Приложив ко груди руки,
Долго, долго, весь пронзенный
Состраданием глубоко,
На отца глядел в молчанье;
Вдруг подходит и, схвативши
Руку старца: «Ешь, родитель!» —
Говорит, придвинув пищу.
Но сильнее плачет старец.
«Ты ли, сын мой Дон-Родриго,
Мне даешь такой совет?»
«Я, родитель! смело можешь
Ты поднять свое святое,
Благородное лицо».
«Спасена ли наша слава?»
«Мой родитель, он убит».
«Сядь же, сын мой Дон-Родриго,
Сядь за стол со мною рядом!
Кто с соперником подобным
Сладить мог, тот быть достоин
Дома нашего главой».

*Со слезами Дон-Родриго,
Преклонив свои колена,
Лобызает руки старца;
Со слезами Дон-Диего,
Умиленный, лобызает
Сына в очи и уста.*

7

*На престоле королевском
Восседал король-владыка,
Внемля жалобам народа
И давая всем управу.
Твердый, кроткий, правосудный,
Награждал он добрых щедро
И казнил виновных строго:
Наказание и милость
Верных подданных творят.
В черной, траурной одежде
Входит юная Химена,
Дочь Гормаса; вслед за нею
Триста пажей благородных.
Двор в безмолвном изумленье.
Преклонив свои колена
На последнюю ступенью
Королевского престола,
Так Химена говорит:
«Государь, прошло полгода*

С той поры, как мой родитель
Под ударами младого
Сопротивника погиб.
И уже я приносила
Перед трон твой королевский
Умиленную молитву.
Были мне даны тобою
Обещанья; но управы
Не дано мне и поныне.
Между тем, надменный, дерзкий,
Издевается Родриго
Над законами твоими,
И, его надменность видя,
Ей потворствуешь ты сам.
Государь праволюбивый
На земле есть образ бога;
Государь неправосудный,
Поощряющий строптивость,
Сердцу добрых не любезен,
Не ужасен и для злых.
Государь, внемли без гнева
Сим словам моей печали:
В сердце женщины почтенье
Превращается от скорби
Часто в горестный упрек».
И король на то Химене
Так отвечает без гнева:
«Здесь твоя печаль не встретит

Ни железа, ни гранита.
Если я сберег Родрига,
То сберег его, Химена,
Для души твоей прекрасной;
Будет время – будешь плакать
Ты от радости по нем».

8

В час полуночи спокойной
Тихий голос, нежный голос
Унывающей Химене
Говорил: «Отри, Химена,
Слезы грусти одинокой».
«Отвечай, откройся, кто ты?»
«Сирота, меня ты знаешь».
«Так! тебя, Родриго, знаю;
Ты, жестокий, ты, лишивший
Дом мой твердые опоры...»
«Честь то сделала, не я».

В храме божием Родриго
Так сказал своей Химене:
«Благородная Химена,
Твой отец убит был мною
Не по злобе, не изменой,
Но в отмщенье за обиду,
Грудь на грудь и меч на меч.
Я тебе за мужа чести
Мужа чести возвращаю;
Я тебе в живом супруге
Все даю, что прежде в мертвом
Ты отце своем имела:
Друга, спутника, отца».
Так сказав, он обнажает
Крепкий меч свой и, поднявши
Острие к святому небу,
Произносит громогласно:
«Пусть меня сей меч накажет,
Если раз нарушу в жизни
Мой обет: любить Химену
И за все моей любовью
Ей воздать, как здесь пред богом
Обещаюсь и клянуся!»
Так свершил свой брак с Хименой
Дон-Родриго, граф Биварский,

10

Сид во всех за Фердинанда
Битвах был победоносен.
Наконец для Фердинанда
Час последний наступает:
На своей постели смертной
Он лежит лицом к востоку;
Он в руках, уже холодных,
Держит свечу гробовую;
В головах стоят прелаты,
Одесную сыновья.
И уже свои он земли
Разделил меж сыновьями,
Как вошла его меньшая
Дочь Урака в черном платье,
Проливающая слезы.
Так ему она сказала:
«Есть ли где закон, родитель,
Человеческий иль божий,
Позволяющий наследство,
Дочерей позабывая,
Сыновьям лишь оставлять?»
Фердинанд ей отвечает:
«Я даю тебе Заморю,
Крепость, твердую стенами,

С нею вместе и вассалов
Для защиты и услуги.
И да будет проклят мною,
Кто когда-нибудь замыслит
У тебя отнять Заморю».
Предстоявшие сказали
Все: «Аминь». Один Дон-Санхо
Промолчал, нахмуря брови.

Сид в царствование короля Дон-Санха Кастильского

1

*Только что успел Дон-Санхо
Вместе с братьями в могилу
Опустить с мольбой приличной
Фердинандову гробницу,
Как уже он на коне,
И гремит трубой военной,
И вассалов собирает,
И войной идет на братьев.
Первый, с кем он начал ссору,
Был Галиции властитель,
Старший брат его Дон-Гарсий;
Но, сраженный в первой битве,
С малочисленной остался
Он дружиною кастильцев.
Вдруг явился Дон-Родриго.
«В добрый час, мой благородный
Сид! – сказал ему Дон-Санхо, —
Вовремя ко мне поспел ты».
«Но ты сам, король Дон-Санхо,
Здесь не вовремя (сурово
Отвечал ему Родриго);*

Лучше было бы, с молитвой
Руки сжав, стоять смиренно
У родителева гроба.
Я исполню долг вассала;
Стыд же примешь ты один».
И Дон-Гарсий, побежденный,
Скоро в плен достался Сиду.
«Что ты делаешь, достойный
Сид?» – сказал с упреком пленник.
«Если б я теперь вассалом
Был твоим, я то же б сделал,
Государь, и для тебя».
Заключен по воле брата
В башню крепкую Дон-Гарсий.
За него король леонский
Восстает и посылает
Вызов к Сиду, к мужу чести,
Подымающему руку
На бесчестно – злое дело.
«Ополчись, мой благородный
Сид, – Дон-Санхо восклицает. —
Ополчись, мой Сид могучий,
Перл империи священной,
Цвет Испании, зеркало
Чести рыцарской; леонцы
Идут против нас войною;
Веют львы на их знаменах;
Но у нас, в земле Кастильской,

Много замков укрепленных:
Будет, где их запереть».
«Государь, святое право
За Альфонса; лишь фортуной
Он неправ», – так отвечает
Королю Дон-Санху Сид.
Дон-Альфонс разбит и прогнан;
Он бежит к толедским маврам.
Как свирепый ястреб – алча
Новой пищи после первой,
Им отведенной добычи —
Когти острые вонзает
В беззащитную голубку:
Так Дон-Санхо ненасытный,
На одну сестру напавши,
Беспомощную насильно
Запирает в монастырь.

Мирно властвует Урака
В крепком городе Загоре.
Крепким городом Заморой
Завладеть Дон-Санхо мыслит.
Он к стенам его подходит.
Нет в Испании другого:
В твердом выбитый утесе,
Им покрытый, как броней
Смелый рыцарь, окруженный
Светло-влажными руками
Быстрошумного Дуера,
Он стоит – и замки, башни
(В целый день не перечесть их)
Как венец его венчают.
И сказал Дон-Санхо Сиду:
«Добрый Сид, советник мудрый,
Дома нашего подпора,
От меня к сестре Ураке
Ты послом иди в Замору.
Предложи мену Ураке;
Пусть свою назначит цену;
Но скажи ей в осторожность:
Если ныне отречется
То принять, что предлагаю,
Завтра сам возьму я силой

То, о чем теперь прошу».
«Что за стены! – Дон-Родриго
Мыслит, глядя на Замору. —
Чем на них смотрю я доле,
Тем грозней и неприступней
Мне являются они».
«Что за стены! – повторяет
Про себя король Дон-Санхо. —
Это первые, которых
Не заставил содрогнуться
Приближающийся Сид».
«Что за стены!» – размышляет
Конь могучий Бабиека,
Замедляя ход и гриву
Опуская до земли.

Тихо в городе Заморы:
Он печальный носит траур
По великом Фердинанде.
Церкви города Заморы
В ткани черные одеты,
И на них печальный траур
По великом Фердинанде.
И Урака, затворившись
В замке города Заморы,
О сестрах и братьях плачет;
И печальный носит траур
По великом Фердинанде.
И она вздыхала тяжело
В ту минуту, как явился
Перед городом Заморой
Дон-Родриго, вождь кастильский.
Вдруг все улицы Заморы
Зашумели, взволновались;
Крик до замка достигает,
И Урака, на ограду
Вышед, смотрит... там могучий
Сид стоит перед стеной.
Он свои подъемлет очи,
Он Ураку зрит на башне,
Ту, которая надела

На него златые шпоры.
И ему шепнула совесть:
«Стой, Родриго, ты вступаешь
На бесславную дорогу;
Благородный Сид, назад!»
И она ему на память
Привела те дни, когда он
Государю Фердинанду
Обещался быть надежной
Дочерей его защитой,
Дни, когда они делили
Ясной младости веселье
При дворе великолепном
Государя Фердинанда,
Дни прекрасныя Коимбры.
«Стой, Родриго, ты вступаешь
На бесславную дорогу;
Благородный Сид, назад!»
Бодрый Сид остановился,
Он впервые Бабиеку
Обратил и в размышленья,
Прошептал: «Назад!» поехал
В королевский стан обратно,
Чтоб принести отчет Дон-Санху.
Но разгневанный Дон-Санхо
Так отвечает Родригу:
«Безрассудны государи,
Осыпавшие честию

Неумеренной вассалов —
Лишь мятежников надменных
Для себя они готовят.
Ты с Заморой непокорной
Заодно теперь, Родриго;
Ныне ум твой дерзновенный
Не в ладу с моим советом;
С глаз моих пойдя, Родриго;
Из кастильских выйди пределов;
Все мои покинь владенья».
«Но которые владенья,
Государь, велишь покинуть?
Завоеванные ль мною,
Сохраненные ли мною
Для тебя?» — «Те и другие».
Сид минуту был задумчив;
Но потом он улыбнулся,
Вкруг себя спокойный бросил
Взор и сел на Бабиеку.
Удалился Сид... молчанье
В стане царствует, как в гробе.

Длится трудная осада.
Много было поединков;
Много рыцарей кастильских,
К утешенью дам Заморы,
Было сброшено с седла.
Не возьмут они Заморы.
Тут являются к Дон-Санху
Графы, знатные вельможи.
«Государь, отдай нам Сиды
(Говорят они); без Сиды
Не бывать ни в чем удачи».
И король послал за Сидом;
Но с домашними своими
Наперед о том, что делать,
Посоветовался Сид.
Возвратился был совет их,
Если сам король Дон-Санхо
Признает себя виновным.
Сид покорствуется призывью;
Сам король к нему навстречу
Выезжает; с Бабиеки
Сходит Сид, его увидя,
И его целует руку.
С той поры на поединки
Вызывать гораздо реже

Стали рыцари Заморы
Смелых рыцарей кастильских:
Каждый был готов сразиться
Хоть с пятью один, хоть с чер-
том,
Лишь бы только не с Родригом.
Вдруг из города Заморы
Вышел витязь неизвестный.
К пышной ставке королевской
Подошедши, так сказал он:
«За совет мой: покориться,
Чуть меня не умертвили.
Государь, я знаю верный
Способ сдать тебе Замору».
Но с высокия ограды
В то же время старый рыцарь
Прокричал: «Король Дон-Санхо,
Знай, и вы, кастильцы, знайте,
Что из города Заморы
Вышел к вам предатель хитрый:
Если сбудется злодейство,
Нас ни в чем не обвиняйте».
Но с предателем Дон-Санхо
Уж пошел к стенам Заморы.
Там, пред входом потаенным
Неприступныя ограды,
Видя, что король Дон-Санхо
С ним один и безоружен,

Острый свой кинжал предатель
Весь вонзил в него и скрылся.
И король смертельно ранен.
Вкруг него толпятся слуги;
И никто из них не молвил
Слова правды, лишь единый
Добрый, старый, верный рыцарь
Так сказал ему: «Помысли
О душе своей и боге;
Остальное все забудь».
И уже король Дон-Санхо
Предал в руки бога душу.
Много рыцарей кастильских
Вкруг него стоят и плачут;
Боле всех скорбит и плачет
Благородный Дон-Родриго.
«О король мой, о Дон-Санхо!
(Восклицает он), да будет
Проклят день тот ненавистный,
День, в который ты замыслил
Приступить к стенам Заморы.
Не боялся тот ни бога,
Ни людей, кто беззаконно
Дал тебе совет нарушить
Честный рыцарства закон».